

Плейлист

Chandelier feat. Alex Pasibe – Designer Disguise

Hello – Fame on Fire

Stranger Times – Life On Venus

The Nutcracker, Op.71, TH.14/Act 2 – No. 14a Pas de deux: Intrada. Исполнители: Симфонический оркестр Мариинского театра, Валерий Гергиев.
Композитор: Пётр Ильич Чайковский

My Heart Will Go On – Future Sunsets

Oxygen – Auger

Love Will Keep Us Alive – Scorpions

My Enemy – CHVRCHES, Matt Berninger

Mercy Mirror – Within Temptation

Русская тоска – Дарья Виардо

I Don't Mind If You Don't Mind – Ron Pope

One Year Of Love – Queen

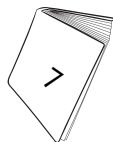
ПРОЛОГ

Сложно оставаться наивной и нежной писательницей, когда тебя ненавидит добрая половина книжного сообщества. Алекс Шторм отняла у меня шанс быть всего лишь автором-дебютантом. Ее ложь сделала из меня воина, который каждый день отстаивает право на собственный голос и творчество.

Может, я не борюсь открыто. Больше не пытаюсь достучаться до тех, кто слепо верит не человеку, а цифрам вокруг него. Не стараюсь доказать, что моей вины в пущенных сплетнях нет.

Но я сражаюсь каждый день: со страхом перед толпой безликих хейтеров, с желанием опустить руки и сдаться, с обидой, которая засела во мне слишком глубоко.

Алекс Шторм растоптала ту доверчивую и мягкую Ангелину, которой я была. Но в местах, где ломало сильнее всего, сердце обросло броней.

ГЛАВА 1

НОЯБРЬ

— Девочки, а где все? — Голос нашей старосты, Вероники, дрожит, когда она печальным взглядом окидывает пустые кресла за нашими с Мари спинами.

Мы с Зябликовой одновременно пожимаем плечами. Мари при этом даже глаз от экрана телефона не поднимает. Переписка с ее парнем, Андреем, явно интересует подругу куда больше, чем раздолбай-одногоруппники.

Я раздраженно смотрю на снующих туда-сюда незнакомых студентов. Зал едва не трещит по швам от того, сколько народу сюда натолкалось в преддверии выступления декана и лидеров вузовских кружков.

Такие мероприятия — магнит для активистов всех факультетов и курсов. И для массовки вроде меня... Ведь за присутствие пообещали закрыть от двух до пяти пропусков по любому предмету. Я как раз обзавелась парочкой в тот день, когда чертова Алекс Шторм перевернула мою жизнь.

— Может, еще едят в столовой? — Я устало касаюсь лба кончиками пальцев, что перепачканы синей пастой. Весь день сегодня только и делала, что писала конспекты да проверочные.

Голова гудит от усталости, но уходить пока рано. Пропуски сами себя не закроют.

— Почему они до сих пор в столовой? — Вероника швыряет сумку на кресло рядом со мной и упирает освободившуюся руку в бок. Ее черные волосы, кажется, сейчас встанут дыбом от злости. — Поганцы. Скоро все начнется, а их нет!

— Да и пофиг, — бурчит Мари и смеется невпопад. Наверное, Андрей написал что-то милое.

— Как это пофиг?! — Вероника даже притопывает от возмущения. Перекидывает длинные темные волосы за спину и с видом разъяренной гарпии принимается что-то строчить в телефоне. — У нас же план! Минимум шесть человек от группы!

— Ой, да ладно тебе. — Мари даже не смотрит на взбешенную старосту. — Тут такая толпа, никто и не заметит, что кого-то не хватает.

— Нет, так дела не делаются, Марина.

— Я Мари, — рычит подруга, пока Вероника все бурчит:

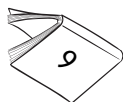
— А если нашей группе дадут какие-то особые задания? Вдруг кто-то из наших активистов занял где-то призовое место?

— Где? — выдыхаем в унисон с Мари. Обе прекрасно знаем, что за несколько месяцев учебы и мероприятий-то толком не было.

Но Вероника не слушает. Она едва сдерживает себя, чтобы не начать наворачивать круги вокруг пустых сидений, и цедит в телефон:

— Господа одноклассники! — пафосно начинает голосовое она. — Понятия не имею, где вы оживаетесь, но собрание начнется с минуты на минуту!

На Веронику оборачивается несколько старшекурсников, но она и бровью не ведет. Продолжает

отчитывать ребят в голосовом, которое они, уверена, благополучно даже не откроют.

— Ты куда? — Мари отрывает взгляд от телефона, когда я поднимаюсь с кресла.

— Не могу это слушать. Схожу в столовку, приведу ребят, пока Вероника окончательно не сошла с ума.

Через плечо киваю на старосту. Та кипит настолько, что вот-вот крышечка на черепе начнет подпрыгивать. Вероника даже не замечает, как я вместе с сумкой проскальзываю мимо и моментально теряюсь в толпе. К выходу приходится пробиваться локтями, но в награду получаю пустой коридор, полный свежего воздуха. Окно открыто настежь, а по широкому коридору гуляет уже позимнему колючий сквозняк. Не задерживаюсь здесь и направляюсь к лестнице.

По пути мне встречается несколько опаздывающих на собрание студентов. Они торопятся вверх, перескакивая через ступени. Это подгоняет и меня. К столовой подхожу почти бегом и, еще не переступив порог, слышу голоса одногруппников.

— Вилку, пожалуйста!

— Ваш столовый прибор, сэр!

— Что здесь происходит? — Я хмурой тучей захожу в столовую, где занят всего один стол.

Четыре моих одногруппника — неразлучная компашка — неторопливо трапезничают, пока телефон одного из них разрывается звонком. Причем вместо стандартного звука на вызов установлен венский вальс, из-за чего вся сцена выглядит еще более странной.

— О! Ангелина! — Женя чуть вилку не роняет, когда видит меня. — Тоже проголодалась?

Он тянется к стулу за соседним столом, чтобы придвинуть его для меня. Но его опережают друзья. Саша вскакивает с места, и белая салфетка, которую он подоткнул за воротник на манер слюнявчика, слетает на пол, но парень этого не замечает. Он галантно подает мне руку, поклонившись так, будто мы на балу во дворце, а не в столовке университета. Влад уже стоит за предназначенным мне стулом. Едва я сяду, он подвинет его к столу.

— Ребят, вы чего устроили тут? — отмахиваясь от протянутой руки и задвигаю стул, на который не собираюсь садиться. — Там все начнется скоро, а вы едите? Вероника вас сама сожрет, если опоздаете!

Телефон все играет и играет. Чем дольше не принимают звонок, тем громче звучит вальс. Работницы столовой даже начинают хихикать, наблюдая за нами.

— Веронику предупреждали, что никто после коллоквиума не пойдет на собрание! — с набитым ртом жалуется Саша.

Остальные парни кивают, торопливо уплетая припозднившийся обед.

— Нам даже время на нормальный перекус не дали, — осушив стакан с компотом, соглашается Влад. — Подумаешь, чуть-чуть опоздаем!

— Ты это Веронике скажи, когда поднимемся, — не удосужившись прожевать котлету, влезает в спор Женя. — Если мы и правда опоздаем, она нас порвет...

Венский вальс затихает, но теперь вибрировать начинает уже мой телефон.

— И меня порвут вместе с вами, — выдыхаю я, уже готовясь увидеть имя старосты на экране, но...

«Ангелина, добрый день! Тираж «Магического дебюта» отпечатан. Если хотите забрать ваши авторские экземпляры, можете прийти в издательство. Адрес указала ниже. Заодно обсудим стратегию продвижения в сложившейся ситуации. С уважением, Татьяна».

— Ну? Что там?

Парни, заметив, как переменялось мое лицо, мигом забывают о еде. Вскакивают со стульев, хватают рюкзаки, но никуда не идут. Ждут моего ответа. Насколько разгневана староста?

— Идите наверх. Я приду позже, — говорю я и отхожу к окну, чтобы скрыть выражение лица. Губы дрожат от улыбки, а я — от волнения.

Тираж отпечатан, а это значит только одно — скоро «Магический дебют» разъедется по магазинам и читателям. Именно сейчас станет ясно, насколько отразится на мне выходка Алекс Штурм.

— Ангелина! Ты не опоздаешь?

— Опоздаю, — говорю, даже не обернувшись. — Передайте Веронике, ладно?

Они уходят. Голоса парней становятся все дальше и тише, но я все равно разбираю шутки про то, что даже девчонки не готовы голодными торчать на скучных собраниях. Они смеются, а я, несмотря на голод, думаю вовсе не о еде.

Делаю скрин экрана и отправляю его человеку, которому в последнее время доверяю гораздо больше, нежели секреты и переживания. Я доверяю ему целиком и полностью, без остатка.

И сейчас мне, как никогда, важна его поддержка.

Сообщение от Филя приходит спустя минуту. Гляжу в окошко нашего чата и чувствую, как все страхи тают.

Фил, 17:03

Если хочешь пойти, я буду с тобой

* * *

Изо рта вырываются клубки пара, пока бегу к остановке. Заглушая подскочивший до предела пульс и уведомления о сообщениях от старосты, в наушниках играет музыка. Издалека вижу, что Фил уже ждет меня. Стоит под только-только вспыхнувшим фонарем и смотрит в мою сторону.

Мы останавливаемся по разные стороны дороги и машем друг другу, широко улыбаясь. Человек на светофоре упрямо горит красным, и я нехотая думаю о том, что наверняка мое лицо сейчас такого же помидорного оттенка. Из-за бега, из-за мороза. Из-за Фила.

Он — моя радость. Благодаря ему в эти тяжелые месяцы я все еще нахожу силы сражаться.

Он — моя боль. Я обещала быть рядом и помогать, но пока способна лишь на первое.

Замечаю, как взгляд Фила отрывается от меня и скользит по сумке женщины, что остановилась у дороги перед ним. Тревога, которая с того сентябрьского семейного ужина стала моей верной спутницей, темным облаком накрывает прочие чувства.

Мне достаточно одного мрачного и сосредоточенного взгляда Фила, чтобы угадать его мысли.

Если бы я опоздала, если бы он был здесь один, то не стал бы сдерживаться. Фил бы украл то, что притянуло его внимание. Что там? Телефон? Какое-то украшение или кошелек? Щурюсь, но не могу разглядеть.

Светофор загорается зеленым, но навстречу своему парню шагаю уже не так резво. Как бы я ни обожала Фила, как бы ни билось мое сердце рядом с ним, мне все еще сложно принять — долгов у него больше, чем мы двое когда-либо сможем заработать.

Я понимаю Фила, но не могу смириться с собственной беспомощностью и его методами.

Хотелось бы взять его за руку и спокойно сказать: «Давай решим эту проблему вместе?» Но жизнь уже дала мне пощечину — я ничего не могу.

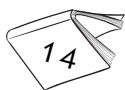
Крошечной стипендии хватает только на обеда между парами и проезд до учебы. Работать в кафе не успеваю из-за универа. Деньги с книг? Ха! Тираж нужно распродать, чтобы что-то получить, а чтобы распродать — нужно вложиться в рекламу. А воровать, как Фил... Не смогу, не стану. Да и он не позволит.

Замкнутый круг.

С каждым шагом, что делает меня ближе к Филу, я вновь проживаю знакомые чувства. Страх, тревога, отчаяние. Я просто оправдываю Фила и его воровство или у него действительно нет иного пути? Могу ли, глядя ему в глаза, говорить, как дорожу им, хотя на самом деле каждое утро просыпаюсь с надеждой — скоро этот кошмар кончится, и мы заживем спокойно. Как нормальные люди.

Заслуживаю ли быть рядом с ним, когда любви во мне столько же, сколько и страха?

Я каждый день твержу, что понимаю — иначе нельзя — и верю в лучшее. Но правда в том, что я боюсь. За Фила, потому что он рискует каждый день. За нас, потому что, если однажды Фил оступится и его поймают, всему придет конец. И за

себя, потому что знаю — эти отношения в конечном итоге меня уничтожат.

— Ангел, — меня обнимают его руки и запах кофе.

Едва прячу лицо на груди Фила, натянутая улыбка сползает с губ. Я бы хотела чувствовать рядом со своим парнем то, что испытывают в обычных, *нормальных* отношениях: спокойствие, умиротворение и уют. Но вместо этого меня душит постоянное напряжение, точно пытаюсь удержать в руках кусочек скользкого мыла.

Отношения с Филом, который в любой момент может исчезнуть из моей жизни, — как хождение по лезвию ножа. Сомнения — словно злой ветер, что хочет сбросить меня в неизвестность. Развилки нет, а обратный путь принесет столько же боли, сколько и прогулка до острия.

После того как я убедила Фила, что, несмотря ни на что, хочу быть с ним, мы ввели два важных правила.

Первое: Фил никогда не будет воровать, если я рядом. Это обезопасит меня и физически, и морально. Ведь что бы я ни говорила, мы оба прекрасно понимаем: для меня *все это* — слишком.

Фил был чертовски прав, когда дал мне время на раздумья о нас. Я была ужасно глупа, когда решила, что принять правду будет проще, чем это оказалось на самом деле.

Я не жалею о решении остаться с Филом, но теперь каждый день отвоевываю шанс на наше счастье у собственных страхов и сомнений.

И второе, до скрежета зубов раздражающее правило: я ни при каких обстоятельствах не расспрашиваю Фила о его делах и прошлом. И что бы ни говорил Фил, я все же надеюсь, что однажды мы

